

ИЗГНАННИКИ

п о в е с т ь

Соч. И. Калашникова

И сию повесть мою, как и два прежние мои романа, издаю я с целью: знакомить моих читателей с Сибирью.

Но говорят: «Нельзя писать с тем романы, чтобы иметь целью: описывать в них страну».

Нельзя писать, правда; но издавать можно с этою целью.

Сибирь моя родина, где я провёл лучшие, или, по крайней мере, первые годы моей жизни; туда любит отлетать моя мечта в часы раздумья: ибо там живёт воспоминание о времени, которое — каково бы оно ни было в сущности — всегда драгоценно человеку, по природе своей любящему жить в минувшем, удаляться в беспечные годы молодости от забот и опыта лет возмужалых. Блуждая по родным, оставленным местам, задумчивая Фантазия невольно воскрешает в них минувшие события и будит людей, давно сошедших со сцены сей жизни...

Когда усталый день последний луч погасит;
Заблещут звёзды в вышине,
И грустные мечты столпятся надо мною;
Тогда, беседуя с печальною луною
О благах прежних дней,
Смотрю я на сии гранитные громады,
Дворцы, чертоги, вертограды...
Но нет! не говорят они с душой моей;
Не льют на сердце мне отрады,
И чужды для меня; я чужд для них!..
Душа моя летит в пределы мест родных,
Где всё — и ветров завыванье,
И шум лесов, и горлицы взыванье,
И цвет знакомый облаков,
И томно среди пустынь катящиеся воды,
И горы дремлющи под тяжестью веков, —
Всё возвращает ей давно минувши годы;
Всё дышет жизнью; везде язык без слов!
Везде минувшего я слышу призыванья!..

Стихи сии напечатаны мною задолго до издания моих романов. Таким образом, носясь мечтою в пределах Сибири, я должен был, по необходимости, писать ландшафты тамошней природы и изображать тамошние нравы и обычаи: отсюда и родилось моё намерение: Романы мои предать печати, дабы познакомить с Сибирью моих соотечественников, или, по крайней мере, тех из них, которые не имеют ни охоты, ни времени заниматься сочинениями другого рода.

Мне возражают: «Зачем же не изложу я сведений моих о Сибири в одной книге?» — Потому, что в мечтаниях моих я нахожу наслаждение, и пишу по невольному влечению сердца, предоставляя людям более сведущим, издавать сочинения учёные.

Но «в ваших романах нет поэзии». Я ничего не могу говорить в оправдание моего воображения и чувствования, если их создания не суть поэтические. Впрочем, если не нравится вам моя книга, бросьте её в огонь — и дело кончено!

Наконец, недавно прочитал я ещё следующее: «Романы *Дочь Купца Жолобова* и *Камчадалка* богаты картинными изображениями Сибири, доказывают, сколь бессильно и самое дарование, убитое подражанием».

Правда, я не выдумывал новой формы сочинений и не стыдился писать по образцу бессмертного Шотландца; но происшествия, лица, мысли, чувствования, картины, суть моя собственность, и, по весьма уважительным причинам, моё владение ею неприкосновенно. Я первый написал Сибирский Роман: кому я мог подражать, кроме формы?

Самым сильным опровержением означенных замечаний служат похвалы и ободрения от людей, которые не имели ни малейшей причины мне льстить, и которых доброе слово не может быть ни для кого не важно. Например: всякой раз я почти с благоговением внимаю, когда Патриарх нашей словесности, муж и по уму, и по характеру, и по самой наружности, подобный мудрецам древности (я не смею именовать его) с величайшею добротой и мудростью, или старается ободрительною хвалою поощрить к новому труду, или умными наставлениями желает направить перо моё к благой цели. Краткие минуты, проведённые с ним, будут всегда для меня драгоценны. Мне сообщён одним из первых наших литераторов отзыв, сделанный сим почтенным мужем о первом моём романе: *Дочь Купца Жолобова*, о котором он сказал, что ни одного русского романа не читал он с бóльшим удовольствием.

Настоящая повесть моя, которую я располагался прежде напечатать в журнале г. Смирдина, также заслужила лестный отзыв от многих литераторов, и в том, числе от бывшего редактора *Библиотеки для Чтения*, г. Сенковского, столь известного своим умом и просвещением, который писал ко мне, что повесть сия ему «очень нравится, и что она будет непременно напечатана в означенном журнале». Сколь ни лестно участвовать в прекрасном предприятии Г. Смирдина; но весьма уважительные обстоятельства не дозволили мне исполнить первого моего намерения.

В числе лиц, действующих в сей повести, Купец Шалауров, как известно без сомнения каждому просвещённому читателю, есть лице *историческое*. В 1762 году Шалауров отправился из устья реки Колымы для отыскания пути в Восточный океан. Конец его плавания вполне не известен. Я старался поднять завесу с жребия, его постигшего, и разгадать думы сего необыкновенного человека... Но дозволено ли добавлять мечтою Историю?

В наш век, когда прежние теории вышли в отставку, а новые ещё не утвердились на вакансиях; когда каждый из пишущих хочет быть оригинальным по самой форме сочинения, и охуждает формы, придуманные самыми знаменитыми авторами, — в наш век нельзя без страха следовать ни за кем, не исключая ни самого Вальтер-Скотта... которого вся вселенная, в самом прямом значении сего слова, вся вселенная читала и перечитывала с хвалою и рукоплесканием. Говорят: он изобрёл род сочинений неестественный, чудовищный, и что соединение Истории с вымыслом не возможно. Правда ли это?

История говорит холодно, сухо и мёртво; заслоняет лица и события своей тенью; рассказывает о минувшем, а не возобновляет его; повествует о лицах, уже исчезнувших а не воскрешает их, не проливает жизни в их истлевшие кости, и не выводит на сцену пред наши глаза. Потому-то, прочитав Историю, я ещё не вполне удовлетворён: ибо во мне рождается желание, которого она исполнишь не может, — желание самому быть зрителем рассказанных ею происшествий; самому видеть тех, которые мне сделались известны только по слуху; тех ужасных или великих людей, тех благодетелей или извергов рода человеческого, о которых она мне столько наговорила хорошего и худого, — видеть их с тайными их думами, с сокровенными порывами души, с неразгаданными муками и наслаждениями, с утаёнными злодействами и добродетелями... История, возбудив во мне эту мучительную жажду любопытства,

не может, как я сказал уже, удовлетворить моей страсти — и на помощь душе приходит божественная, всемогущая Поэзия! Она одна только способна произвести чудо: заставить время переменить свой обычный путь; вызвать из вечности века, и пролить огонь жизни в сердца, давно переставшие биться... Сие-то высокое и очаровательное наслаждение доставляет нам Драма, Повесть, Роман. Уничтожая Исторические Романы, должно уничтожить и Историческую Драмму, ибо это одно и то же.

И. К.

I

Спросите всякого — и всякой скажет, что сибирская природа пустынна, дика, угрюма. Так, это правда; но зато редко где душа может ощутить столь высокие идеи, как там. Станьте на диких высотах Урала, за 60 градусов к Северу, и бросьте взгляд до безлюдных берегов Восточного океана — что увидите? Беспредельную страну, уже отжившую свой век; памятники древнего и великого крушения планеты; следы всемогущих веков, пролетевших над дряхлою землёю! Там погасшие вулканы, скалы опрокинутые, каменное недра гор, реками пробитое, ужасные остовы таинственных жильцов первозданного мира, повсюду раскиданные, — и на гробах погибших поколений темнеют дебри, и стоят, как могильные памятники, безмолвные скалы. Жизнь только украдкой бросает там свои зародыши, и смерть властвует неотразимо, одеянная мраком и хладом. Самый дух человеческий, сжатый враждебными стихиями, окреп и остановился там на первой ступени бытия, и не смеет ступить далее. Что такое тамошний человек? В чём проявляется его бессмертный разум? Чем отличается он от плотоядных зверей, около него рыщущих?

Но что же? и посреди этих получеловеков, и посреди этих мёртвых пустынь встречаются души, правда, занесённые туда бурей бедствий, но души светлые, по крайней мере, в спокойствии проходящие путь жизни, если не в счастье.

Так, некогда, на пустынном берегу Ледовитого океана, к Востоку от устья Колымы, жили два скитальца, друзья с младенчества, вместе наслаждавшиеся счастливыми днями и вместе постигнутые несчастьем. Бывали злополучные времена и в нашем Отечестве, когда злые блаженствовали, а добродетельные гибли. Слава Богу, сии страшные времена давно забыты; самые рассказы о них почитаются почти баснею:

ибо два поколения настоящего века, старое и новое, родились и возму- жали под правлением мудрым и кротким. Нам не верится уже, чтобы можно было изгонять людей по одним наветам без доказательств, по одним опасениям сильного. Столько мы счастливы, и дай Бог, чтобы мы только могли ценить своё положение! Но предки наши, дабы доставить нам сие счастливое состояние, должны были перенести многое, многое! И потому-то не удивительно, что предание называет *несчастных*¹, о которых мы упомянули выше, страдальцами невинными.

Самые бедные домики, по-сибирски: *зимовья*, принадлежавшие сим несчастным, стояли в страшной отдалённости от жилищ человеческих: ибо ближайшее селение, Нижне-Колымской острог, было от них в рас- стоянии более двухсот вёрст. Да и что значит самый острог? Беднейшая деревушка, из пяти или шести домов состоящая, и находящаяся от дру- гой подобной деревушки вёрст на пятьсот, тысячу и более. Между сими деревушками нет никаких человеческих жилищ, кроме скитающихся племён дикарей; нет определённых дорог, и только звериная ошупь тунгуса или якута пролагает к ним путь посреди дремучих лесов, бес- численных гор и непроходимых болот. Такова картина Северного края Сибири!

Зимовья изгнанников были построены при подошве Баранова камня, в самом близком расстоянии одно от другого, не были ничем ого- рожены и не имели никаких запоров: ибо, кроме бурь и блуждавших из- редка медведей, бояться было некого. Нога человеческая почти не посе- щала сие уединённое место, исключая немногих отважных мореплава- телей, тщетно пытавшихся пробиться между льдов до равнин Восточ- ного океана. Внутреннее устройство зимовий соответствовало их бед- ности. Они были разделены перегородками на три самые маленькие комнатки, сообразно числу помещавшихся в них жильцов: ибо изгнан- ники оба были женаты, и оба имели детей. Жёны их сами решились ве- ликодушно разделять с ними жребий ссылки; дети родились в изгна- нии. Один из несчастных, которого настоящее имя было скрыто под иносказательным наименованием: *Судьба*, имел сына, Андрея, юношу лет двадцати, и дочь, Елизавету, лет осьмнадцати; другой, слывший под прозванием *Неволя*, имел одну дочь, Ольгу, почти ровесницу Елизавете.

Все домашние нужды (а они были так ограничены!) исполнялись Ольгою и Елизаветою, под руководством матерей. Маленькое скудное

¹ Так вообще именуют ссыльных в Сибири.

хозяйство их, по крайней мере, отличалось чистотой и опрятностью. Была во всём видна бедность, правда; но не было нищеты. Первая комната была вместе и кухней и столовой. В ней был в переднем углу, подле окна, поставлен самый простой стол, но весьма чистый, обставленный лавками. На стене, против него, была устроена полка, на которой красовались оловянные, досветла вычищенные тарелки и миска, несколько фаянсовых чайных чашек и чайник, наконец, ножи, вилки и ложки, заткнутые за прибитый к полке брусочек. Другая полка, находившаяся недалеко от первой, была убрана горшками и сковородками, столь же чистыми, как и столовая посуда. Равным образом и самая комната отличалась необыкновенною опрятностью. Не будем описывать прочих каморок: судя по чистоте кухни, можно сделать и о них верное заключение; также не будем описывать каждого зимовья порознь: ибо что было в одном, почти то же самое было и в другом; потребности и средства обитателей были одинаковы: всё ограничивалось удовлетворением самых необходимых условий существования.

Всё домашнее дело и самая чистота комнат лежали на обязанности Ольги и Елизаветы; но, впрочем, для успокоения доброго и особенно молодого читателя, мы спешим сказать, что прекрасные ручки Ольги и Елизаветы не могли слишком огрубеть от трудных работ: ибо во многих случаях заменяли их матери сами и ещё чаще призывали на помощь женщин из юкагирских семейств, кочевавших близ зимовий.

Между тем, как матери приучали девушек к доброму хозяйству, отцы, оба хорошо просвещённые, старались образовать их ум и сердце, на что были обыкновенно посвящаемы длинные зимние вечера. Книг решительно почти не было, исключая двух: книги *Откровения*, долженствующей бы заменить все тщетные системы разума, и великой книги *Природы*, второго Откровения для испытующего взора. Недосказанное в первой досказывается в последней, и обе составляют великое целое, ощутительное для ума и сладостное для сердца. Ольга и Елизавета знали великие истины Христианства; умели объяснить многие явления физические; не думали, что род человеческий ограничивается одними их семействами; имели понятие о его начале и последующем бытии, и главное: твёрдо помнили не одним умом, но и сердцем, свои обязанности к Богу и к людям. Чего же надобно ещё более?

Наружностью и душою обе подруги были прекрасны, хотя совершенно различны между собою. Ольга белая, как снег, и румяная, как роза, имела огненные карие глаза и русые волосы; Елизавета была

смугла лицом, но имела благородные правильные черты и глаза небесно-голубые. В физиономии Ольги выражались добрая, прекрасная душа, откровенная, непорочная, нрав живой и весёлый; на лице Елизаветы была написана тихая кротость и томная задумчивость, признак души мечтательной, возвышенной, могущей жить вне действительного мира. Красота её была красота неземная. Но несмотря на разность характеров, Ольга и Елизавета жили душа в душу, и как же бы могло быть иначе, когда их на свете и было только две?

Брат Елизаветы, Андрей, статный, рослый юноша, с блестящими чёрными глазами, с румяным полным лицом, с открытою мужественною физиономией, был схож характером более с Ольгою, нежели с сестрою. Исполненный отваги и удалства, он проводил время, то сражаясь с волнами океана на лёгкой ветке¹, то лепясь по утёсам в погоне за хищными орлами. Андрей любил шутить вместе с Ольгою над меланхолией сестры; но любил её горячо, а Ольгу? Можно ли было не любить ему Ольгу, милую, весёлую Ольгу, подругу с детства, которая разделяла с ним большую часть его походов, и также мастерски умела сбираться на вершины неприступных скал, и не раз отваживалась даже рискнуть жизнью на обманчивой поверхности моря?

Отцы их были, как мы уже сказали выше, друзья также с детства; но столь же различны нравами, как Елизавета и Ольга. Судьба, рослый старик, с доброю, но с задумчивой, почти мрачною физиономией, смотрел на мир, как на явление минутных теней, и не привязываясь ни к чему сердцем, никогда не роптал на свой жребий, но отчаивался в прощении и не предавался надежде, пользовался земным — настоящим, и думал только о будущем — небесном. Необыкновенная твёрдость души была его отличительною чертою. Напротив, Неволя, от природы весёлый и добрый, не имел, к несчастью, сего прекрасного качества; часто увлекался минутными впечатлениями, и, если бы не великодушный друг, он бы упал давно духом. Но даже самая дружба его не была безмятежна: неверный своим мнениям, он легко впадал в ложные заключения, и часто оскорблял Судьбу своим, правда, самым кратким, но всё-таки разрывом, который, в положении их, был равно для обоих мучителен.

Жена Невولي, Анна Антоновна; особенно способствовала их ссоре: это была род маленькой Ксантиппы, также горячо любившей своего

¹ Ветка = берестяная лодка.

мужа, столько же доброй и столько же вздорной. Бедность и уничижение не могли её излечить от пустого чванства и самых глупых расчётов честолюбия. Правда, чванство её имело и хорошую сторону, именно: вело её к удивительной чистоте в домашнем быту; но много, много было и зла от этого проклятого порока. И то сказать: когда же порок бывает без худа?

Напротив, жена Судьбы, милая, добрая и, кстати упомянуть, дородная старушка, Варвара Степановна, была совсем иная... Но довольно о характерах: авось нам удастся познакомить лучше с ними читателя в самом действии нашей повести.

II

Был январь, час девятый вечера, но это не был вечер: ибо бессменная ночь продолжалась уже с половины ноября, Заря вспыхивала, около полудня, на южном крае горизонта, и тотчас погасала; но солнце, прекрасное; благотворное солнце не восходило: ни просьбы, ни мольбы, никакая сила и могущество человеческое не властны были поднять его из далёких бездн, и хотя бы на минуту дать взглянуть на его светозарный лик. Мы привыкли видеть сие прекрасное светило, и, простившись с ним вечером, не думаем никогда о его восхождении; завтра утром — говорим мы равнодушно; но что бы почувствовали мы, когда бы нам сказали: утра уже не будет; солнце не взойдёт долго-долго, и ночь постоянно будет покрывать небо? С каким бы нетерпением мы ждали благодатного его явления; с каким бы восторгом увидели его первый луч!

Так наши пустынные семейства, с которыми мы познакомили читателя в предыдущей главе, собравшись вместе, в домике Судьбы около чаю, накануне возвращения солнца, почти только и разговаривали о нём.

— Вот, брат Григорий Петрович — сказал со вздохом Неволя, — в каком местечке Господь привёл нас пожить: и солнышка-то не скоро дождёшься! Зато мы лучше научились теперь ценить его...

— Да, спасибо Бирону! вот скоро исполнится уже тридцать лет, как мы занимаемся этой оценкой! Правду сказать, он не мог нам дать лучшего занятия, чтобы от нас отделаться!

— И я скажу — подхватила с улыбкой Ольга, — что лучше не желала бы знать вовсе цены солнцу, нежели сидеть два месяца почти впотьмах. Такая скука! Как, я думаю, должны быть счастливы те люди, от которых

оно никогда так надолго не скрывается! Я думаю, они не насмотрятся на него...

— Напротив, там, где оно появляется каждое утро — говорил Судьба, — на него почти не смотрят, и даже не примечают, есть ли оно на небе.

— Как? Неужели можно видеть каждый день, в течение года, такое прекрасное светило, такое великолепное, такое благотворное и им не любоваться и не смотреть на него?.. Ах, Боже мой, это даже невероятно!

— А между тем это точно так! Человек обыкновенно не дорожит теми благами, которыми постоянно пользуется. Часто он пренебрегает существенным, и гоняется за мечтою. Есть люди, которые ни разу в жизни не взглянули с размышлением на прекрасное зрелище звёздного неба; ни разу в жизни не любовались очаровательною Звездой Вечера, и вечно думают только о тех звёздах, которые удовлетворяют честолюбию...

— Если вы не шутите, батюшка — сказала Елизавета; — то я, право, не знаю, что подумать о таких людях. Мне кажется, нельзя не только не глядеть, но наглядеться на прекрасное звёздное небо. Когда я смотрю на звёзды, на луну: они, кажется, так сладко, так внятно говорят со мною! ...

— А мне, напротив, эта луна — перебила с усмешкою Ольга — так надоела в течение этих двух месяцев, что, право, не смотрела бы на неё, и я почти выхожу из терпения, ожидая прекрасного моего солнца...

— Ну теперь недолго! — сказала Варвара Степановна. — Если завтра будет ясная погода; то и я с вами потащусь на гору, чтобы встретить нашего милого гостя... Чай, и ты пойдёшь, Анна Антоновна: ведь прежде мы всегда, бывало, вместе праздновали этот день.

— Не знаю, Варвара Степановна, а надо: велит ли ещё Бог встретишь в другой раз, кто весть?

— Ах! — воскликнула Ольга — если бы меня не пустили, я умерла бы, кажется, с тоски! Шутка ли? Мы не видали солнышка целых восемь недель!

— Дети! — сказал Судьба с отеческой добротой — вы теперь рвётесь смотреть на солнце, а забыли, что чем более будет увеличиваться день, тем менее будем мы видеть этот великолепный фейерверк, который ныне беспрестанно горит над нашей головой... Богачи тратят тысячи, чтобы увидеть что-нибудь этому подобное, а мы, бедняки, видим это беспрестанно... Нет, дети! творение Божие равно прекрасно, как при владычестве дня, так и ночи, и, сверх того, не правда ли, что, с появлением дня, человек почти теряет из виду небо, и весь погружается в земную

заботу, а ночь показывает ему во всём величии Божье всемогущество? Мне кажется, тут есть даже какое-то тайное согласие: когда наступает время сна, подобие смерти, тогда открывается над человеком вечность и беспредельность, символы бессмертия.

— Конечно так — говорила Ольга, — творение Божие всегда прекрасно: и при свете дневном, и при огнях Северного сияния; но — всё-таки невольно радуешься приближению солнца. При встрече первого луча его, душа как бы оживает; сердце так забьётся радостно, и, мне кажется, такое же чувство разливается в нём, как бы человек умерший вдруг ожил и встал из могилы. Прежде я ещё как-то равнодушнее переносила ночное время, а ныне — Бог знает почему! — оно мне показалось так длинно, так длинно!

— И мне тоже — подхватил Андреи — это время кажется бесконечным, и я даже начинаю отчаиваться, уж взойдёт ли когда-нибудь солнце.

— Причина этому нетерпению весьма понятна! — заметил с улыбкой Неволя. — И мы во время оно... не правда ли, Анна Антоновна?.. когда нас сговорили, также думали, что не будет конца несносной отсрочке.

— Полно, балагур! — отвечала Анна Антоновна, стараясь скрыть сладкую улыбку, блеснувшую на её губах при воспоминании о приятнейшем времени молодости. — Взгляни-ка, в какую краску вогнал их, бедных!

— Да, молодость — говорил Судьба, давая разговору более важный вид — нетерпелива во всех случаях жизни. Она вечно увлекается своими чувствованиями; но человек должен всегда властвовать над собою, над обстоятельствами, над природою: ибо тогда только он будет, где бы ни находился, спокоен и счастлив. Скажу даже про себя: много перешёл я превратностей в жизни, но везде видел, что душу легко можно приучить ко всякому положению, и во всякой сфере состояния есть непременно свои условия счастья. Боже мой! что такое счастье? Когда чувствую мир в душе; когда вижу спокойствие в своём семействе; когда уверен, что друзья мои ко мне искренни: я решительно счастлив в эту минуту, хотя и брошен за тридесять земель в тридешатое царство. Если нет миру ни с самим собою, ни с другими: тогда повсюду ад, где бы человек ни был. В обществе эта истина, правда, не так ощутительна: нет миру в душе — прибегают к рассеянию; нет миру с другими — ищут новых связей. Но мы, сироты среди белого света, мы, одинокие жильцы пу-

стыни, должны, кажется, вполне увериться, что мир и любовь нам необходимы... Ах, друзья мои! дайте мне все обещание, что в нынешний год, доколе солнце не скроется от нас, ни малейшая тень оскорбления не закрадётся в наши сердца. Дети мои! начинаю с вас.

— Мы обещаемся, любезный батюшка! — вскричали Елизавета и Андрей.

— И я — подхватила Ольга.

— Все, все обещаемся! — говорил с полушуткой Неволья.

— Если так, то не правда ли, друзья мои, что мы, в эту минуту, счастливее всех вельмож и богачей?

Все подтвердили вопрос Судьбы.

Чай кончился. Беседующие разделились на группы. Старые заговорили о минувшем, а молодые принялись за работы: Андрей пересматривал сети; девушки вязали чулки и между тем тихо напевали одну из любимых Судьбою песен.

Ах, ты родина ль моя, родина!
Страна милая, страна радости,
Где прошли мои годы первые,
Годы первые, невозвратные!

* * *

Вихры ярые, ветры буйные
Унесли меня, добра молодца,
Со родимые со сторонутки,
Разлучили-то с отцем, матерью,
С отцем, матерью, с родом, племенем...

* * *

Уж опять когда я увижу ли
Тебя, родина незабвенная?
Я сложу ль когда ношу тяжкую
Жизни скучные на берегу родном?

* * *

Нет, не течь реке вверх к исходищу;
Не бежать ручью на круту скалу;
Дню минувшему не прийти назад:
Не видать мне, бесприютному,
Ни родных полей, ни родных людей,
И сложить-то, знать, буйну голову
На чужой земле, на чужих руках!

Судьба слушал с величайшим вниманием, и, глубоко растроганный, начал неприметно утирать слёзы.

— Уж не плачешь ли? — насмешливо спросил его Неволя. — А кажется недавно проповедовал о счастье!

— Это сладкие слёзы, Алексей Михайлович! Ах! Русская песня на Русское сердце действует удивительно! Так и видишь матушку Русь, с её бодрым, удалым, чудным народом!

— Но всё-таки эта песня уж слишком заунывна; лучше бы — повеселее! Да не спеть ли тунгусскую: *о́хур, йо́хур?*

— А что в самом деле! — подхватила, смеясь Варвара Степановна. — Спойте-ка, да уж коли пошло к тому делу, так и спляшите ради завтрашнего нашего праздника.

— Извольста!

Алексей Михайлович, приговаривая: *охур, йохур*, начал плясать потунгусски; всё общество, смотря на него, помирало со смеха; сам Судьба не мог не рассмеяться; но вдруг послышался лай собак, всегда чующих ещё вдалеке приближение чужих людей. Пляска остановилась, и все стали прислушиваться; ибо приезд гостя был для наших пустынников самая редкая и радостная эпоха.

III

В то время, как наши странники, под кровом дружества и мира, так спокойно и весело проводили самую скучную часть полярного года, почти забывая, где они, и что вокруг них делается, — их окружала пустыня дикая, покрытая глубочайшим снегом, и то разрываемая буйным, воющим ветром, то, как могила, покойная под гнётом мороза, превышавшего всякую меру и всякое воображение. Нигде, на величайшем пространстве, не было видно ни только человека, но и самых следов человеческого жилища. Никакое животное не могло переносить страшной силы полярного мороза: птицы улетали в теплейшие страны; звери скрывались в норах. Изредка только появлялся белый медведь, не ярый, не гневный, но угрюмый и мрачный, как окружающая его природа.

Мы сказали выше, что была ночь; — ночь, правда, слишком продолжительная, но зато великолепная, очаровательная. Представьте себе синее небо, и по всему пространству его рассыпанные миллионы мерцающих звёзд. Они не греют, не освещают, но, подобно блестящим очам эфирных духов, смотрят с неба, как бы с участием, на печальную землю.

И не по мановению ли сих горних жильцов вдруг вспыхнуло, по всему протяжению севера, пламя, но пламя небесное, какого никогда не возжигала рука человеческая? Свет его подобен воображаемому свещу окрест чистых духов: тонкий, прозрачный, почти духовный. На земле нет для него ни слов, ни примера, а смотря на небо, можно уподобишь его только млечному пути, столь же духовному и столь же непостижимому. Из сего светозарного облака мгновенно взлетели к зениту белые, лучеобразные столбы, и начали — бой ли между собою, или чудную игру, может быть, понятную лишь для одних бесплотных жильцов эфира. Столбы перебежали, с непостижимою для смертного скоростью; сшибались, по-видимому, между собою, но невредимо пробегали друг сквозь друга, не разрывая небесного своего тела, и с каждым мгновением новые толпы их рождались и исчезали. Но ещё явились невиданные, чудные бойцы, как бы воспалённые гневом; или обagrённые кровью. Вся пустыня, до того бледная, покрылась от них пожарным заревом. Взору они представлялись темно-красными, почти малиновыми цилиндрами, столь же быстро летавшими, как столбы, и столь же скоро исчезающими и возрождавшимися; но что они были на самом деле? и что такое значит всё это удивительное, волшебное зрелище? Я бы сказал: это сновидение спящей природы; но на мысль мою возопиют отовсюду, ибо и мудрец, и невежда давно селятся изъяснить сие явление, хотя оба стоят почти на одной степени.

Посреди освещённой сим небесным пламенем полярной пустыни, ехали на собаках трое путешественников. Один из них был известный мореплаватель Шалауров, другой — сын его, а третий — их служитель, из отставных матросов. Каждый из них был одет в двух шубах, из которых одна, называемая по-якутски: *санаяк*, была надета вверх шерстью; на голове был *чебак*; на лице — заячья маска; на шее — ошейник из беличьих хвостов; на руках — рукавицы из лисьих лап вверх шерстью; на ногах — *торбасы* из оленьей кожи.

— Как, Владимир, говорили у вас в училище о здешнем сиянии? — спросил Шалауров своего сына.

— Мнение учёных различны, батюшка; но большая часть полагают...

— Эх, Владимир Никитич! — перервал матрос — как можно толковать о небесном, когда мы не знаем, что и вокруг-то нас совершается. Вот хоть теперь, примерно сказать, как вы думаете: куда нам ехать? А я

как ни погляжу, Никита Андреевич, только едем мы не на ваше зимовье... Как бы нам не заблудиться, храни Боже, на этом дьявольском пустопесье, а мороз, слышь, так и прохватывает.!

— После сияния, мороз всегда увеличивается — отвечал Шалауров. — Но почему ты думаешь, что мы едем не к своему зимовью?..

— А вон, посмотрите направо: видите ли утёс-то?.. Вот уже пройдёт облачко-то мимо месяца, так будет виднее... Воне, вон, видите теперь, белеется-то?

— Теперь вижу...

— Мне этот утёс сильно памятен. Вишь, шлялись мы с отцом за зверем; так меня лукавой угораздил взлезь на этот утёс за орлом... Я тогда был ещё мальчишкой... Чуть я не оборвался, и поминай бы как звали... Тьфу, как начало забирать; руки, словно не мои становятся!..

— Ну так что же этот утёс?

— Так вот видите: если ехать теперь, не сворачивая к нему, налево; то как раз выедешь к Баранову камню, к зимовьям ссыльных... Вот куда унесло нас, прости Господи!.. Экой дьявол этот тунгусишка! Пришло же ему, окаянному, в голову бросить нас на пустопесье... Чтоб ему околеть дорогою!

— Нечего делать теперь. Ехать к моему зимовью уж далеко; поедем к Баранову камню.

Между тем мороз с часу на час увеличивался. Воздух быстро сгущаясь, превратился в ужасный туман. Бедные путешественники были окружены непроницаемою мглою и должны были ехать наугад. Дыхание с треском замерзало, и лицевая маска покрылась толстою куржевиной; грудь теснило; ресницы смерзались. Надобно было иметь много и мужества, и здоровья и особенно привычки, чтобы перенести этот ужасный хлад, который, подобно пламени, пожирал тело.

— Ах, Боже мой! — прошептал сын Шалаурова едва слышным голосом, — Ноги мои совсем оледенели, и смертельно сон клонит меня...

— Отчего же ты давно не сказал мне? — сказал Шалауров. — Скочи скорее с санков и беги бегом!

— Сейчас, батюшка! — отвечал Владимир, и между тем не шевелился с места. Смертная, но самая, говорят, сладкая дремота овладевала им. Шалауров опрометью соскочил со своих санок и силою заставил сына бежать вместе с ним, хотя на бегу ещё более захватывало дыхание. В это время подул небольшой хиус с моря, и туман начал прочищаться.

— Сберишься с духом, Владимир: жильё, кажется, недалёко... Смотри-ка, Степан: что это такое, звезда, или огонь?

— Да, кажись, что огонь! Слава те, Христе! Признаюсь: и я трухнул было! Мой отец положил, чуть ли не на этом месте свою головушку; думал я, и мне не остаться бы здесь. Ночь, туман, а дорогу один Бог знает...

— Я не могу идти далее — говорил Владимир; — чувствую, что кровь во мне мёрзнет...

— Стыдись, мой друг, быть так слабым — говорил Шалауров, приметно смутившийся, но умевший во всякой опасности владеть собою; — старайся собраться с силами; ночлег недалёко... Чу! слышишь ли лай собак?.. Ободришься, мой друг!.. Пойдём скорее!

Таким образом Шалауров, сохраняя всё присутствие духа, хотя и страшась за сына внутренне, почти на руках дотащил его до хижин, где обитали наши знакомцы.

Шалауров был по званию — купец, но герой по духу отважному, предприимчивому и неустрашимому; последняя отрасль сих пламенных мужей, которых душа горела любовью к битвам и подвигам. Те ошибаются, которые думают, что одно корыстолюбие было пружиной всех великих дел, совершённых завоевателями Сибири: мелкая страсть довольствуется и мелкими средствами. Но переходя из пустыни в пустыню, от битвы к битве, сражаясь с людьми и с природой, наконец пускаясь в неизвестные и ледяные моря на утлых ладьях, надобно было иметь несравненно возвышеннейшее побуждение, нежели подлая корысть. Кто знает дух русского народа, тот легко изъяснит сие побуждение. Что заставляет, например, нашего простолюдина бросаться в реку, когда она покрывается льдом, и скакать, с величайшею опасностью, со льдины на льдину? Жажда похвалы, славы, врождённое мужество и отвага! Нося в душе этот высокий дар природы, Ермак пустился завоёвывать царство; Хабаров бросился со 150 человеками за приобретением Амура; Дежнёв отважился предаться бурям и льдам Ледовитого океана. Сюда же принадлежит и Шалауров!

Сын Шалаурова не был таков, как его отец; но имел другие прекрасные качества: наружность благородную, душу чувствительную, ум образованный.

Третий спутник рассказал уже сам о своём житье-бытье.

Итак, поспешим за Шалауровым в домик Судьбы.

Надобно проехать вёрст двести или триста по снежной пустыне, под влиянием хиуса, пурги, сорокаградусных морозов, без малейшей надежды на тёплый ночлег, чтобы живо представишь восхищение Шалаурова, когда он нашёл, сверх всякого ожидания, приют не только тёплый, но чистый, удобный, самый приятный, и притом хозяев радушных, добрых и умных. Зрелище счастья сих двух семейств, отделённых от мира и заброшенных на край земли, не могло не поразить его и не пробудить различных идей в его мыслящей душе.

— Признаюсь, Григорий Петрович, — говорил он, выходя на другой день поутру из своей комнаты — чем я более думаю о вашей здешней жизни, тем более ваше положение делается для меня поучительнее. Я век свой проскитался за мечтою, называемой счастьем — и не был счастлив, а вы нашли его в несчастьи!

— Так, теперь мы все, действительно, счастливы — отвечал Судьба с глубоким вздохом: — ибо дети мои (их не было при сём разговоре) родились здесь, и не видали лучшего, кроме тех крох, которые остались у нас от прежнего нашего имения; сам я состарился, и, как знать, может быть прежде, нежели совершит солнце наступающий круг, меня уже не будет в этой пустыне. Но чего стоило, Никита Андреевич, приучать душу к настоящему положению? Чего, стоило видеть себя обречённым на вечное бездействие, видеть себя погребённым в этой пустыне, когда я чувствовал ещё крепость сил моих; когда ещё знал, что я могу быть, хотя чем-нибудь, полезным моему Отечеству?

— Я понимаю твою прошедшую скорбь, великодушный человек — отвечал Шалауров, сжимая руку Судьбы; — ибо чувствую, что если бы отняли у меня прекрасную свободу служить моей родине, я не перенёс бы этого! Поверишь ли ты мне, друг мой... дозвожь мне называть тебя этим именем!.. поверишь ли мне, что несмотря на моё неважное звание, — слава, благо Отечества наполняют, пожигают мою душу. Хочу быть ему полезным, и положу мою голову, или прибавлю хотя единую каплю к его славе и благоденствию... Знаю, что это мечта, но пусть будет так; не разрушайте этой сладкой мечты!

— Если это и в самом деле мечта — говорил с чувством Судьба, — то мечта благородная, прекрасная. Ах! вы пробудили и в моей душе много прежнего, но моё время уже прошло! (На глазах Судьбы мелькнули слёзы.)

— Ба, ба, ба! — воскликнул вошедший в комнату Неволя. — Опять ты, брат Григорий Петрович, что-то зарюмил!.. Ну что, как ваш больной, Никита Андреевич?

— Благодаря моих добрых хозяев, ему лучше.

— Слава Богу!.. Да где Варвара Степановна?.. Чай, собирается на гору?.. А вот и моя старуха тащится... Тьфу ты, Господи! как все разфрантились! На всех новые парки и торбаса! Хоть сейчас всех в придворный маскарад представь!

Наконец, часу в одиннадцатом дня рассветало.

— Пора, пора! — провозгласил Алексей Михайлович. — Если идти, так мешкать нечего! Пойдёмте, Варвара Степановна; я вас поведу на гору; ведь я ваш старинный кавалер.

— А если так — сказал, улыбаясь, Судьба, — то надеюсь, вы позволите мне пройти с вами, Анна Антоновна!

Таким образом старики пошли вперёд, и вместе с ними Шалауров. Андрей вёл свою невесту, а Владимир Елизавету. Подъём на гору был довольно крут, но не снежен; ибо снег был разметён ветром. Равным образом вершина горы была почти совершенно чистая. Взойдя на неё, пустынные увидели пред собою картину дикую, но величественную. К югу и западу виднелась беспредельная тундра, убегающая от взора; к северу и востоку — море молчаливое, безмолвное, как вечность, со своими хрустальными, волшебными горами, горевшими, при переливах зари, разнообразными глянцами. Но внимание пустынных было всё обращено на юго-восток, где скрывался ещё предмет их нетерпеливых ожиданий. К счастью их, погода была ясная; холод, по причине небольшого ветра, умеренный¹.

— Кажется, теперь уж недолго? — говорила Ольга.

— Да! свет на краю неба становится уже весьма бел — заметила Варвара Степановна.

— Много что ещё минут пять! — говорил Неволя.

— Дай Бог, чтобы поскорее — сказал Андрей; — в пустыне поднимается туман, и облака, как нарочно, бегут быстро на юг...

— И скоро совсем закроют бедную мою луну! — заметила Елизавета своему спутнику. — Посмотрите на неё: как побледнела она, точно как бы от печали, что расстанется с нами.

¹ Морозы на берегах Ледовитого океана менее, нежели во внутренности Сибири; притом во время ветра они делаются умереннее.

— Вы, верно, любите луну? — спросил Владимир, столько же, как Елизавета, склонный к мечтанию.

— Можно ли не любить этого прекрасного светила? — отвечала она.

— Я и сам люблю его! Мне всегда кажется, когда на него смотрю, что будто там моя родина, что сюда я только брошен на минуту, и что скоро опять увижу эту родную, страну...

— Но вам ещё рано думать о смерти?

— Боже мой! почему рано? и что жизнь, когда не надеюсь быть в ней счастливым? Какой-то тайный голос это мне нашёптывает беспрестанно. Не нужно оканчивать сего разговора: ибо кто не вёл подобного в своей молодости?

Молодые люди всегда склонны к мечтанию о смерти, ибо смерть заключает в себе много поэзии, и представляет обширное поприще для фантазии. Особенно вблизи прекрасного, милого существа само сердце говорит невольно о смерти, чтобы возбудить в груди подруги участие, сожаление, всегда почти перерождающееся в любовь. То же было и между нашими друзьями. Но надобно сказать прежде, что сердце Елизаветы, по неизъяснимой игре природы, в самый первый миг появления Владимира, казалось, сказало ей ясно: это он. Никто не заметил тогда её смущения, и сама она не могла изъяснить своего чувствования; но при сём расположении её души печальное размышление Владимира вещественно должно было сделать на неё сильное впечатление. Она невольно взглянула на него с сердечным участием; души их таинственно узнали уже одна другую; нужно было только, чтобы электрическая искра перелетела между взорами. Она блеснула — и волшебный огонь любви вспыхнул в сердцах. Что чувствовал в сию небесную минуту Владимир, описать трудно: ибо первое воспламенение любви есть явление, неизъяснимое земными словами. Казалось, он что-то хотел сказать ещё, но взоры его высказали уже всё; не было мысли, которую бы он мог употребить с приличием; разум его как бы потемнел, ибо пылало сердце. Наконец он собрался с духом, но в эту самую минуту, все, бывшие на горе, не снося взоров с юго-востока, воскликнули с величайшею радостью: «Вот оно! Вот оно!»

Золотой край солнца показался из-за горизонта и блестящий луч его мгновенно рассыпался на миллионы алмазных искр инея, и, озарив ледяные горы, засверкал яркими звёздами по их зеркальной поверхности. Завиднелись вдали волшебные башни, дворцы, города, сложенные из

чистого хрустала не рукою смертного: *кто смертный бы к ним прикоснулся?* Различные видения то приближались, то углублялись в даль моря, по движению волн, и внезапно самые отдалённые являлись самыми близкими, почти доступными ошупи рук¹. Казалось, не закон природы владычествовал здесь, но очарование и волшебство.

Пустынники, с минуты появления первого луча, смотрели, с радостным трепетом сердца, на восход давно не виденного ими солнца, и когда огненный шар его вышел весь из-за отдалённой тундры, они бросились обнимать и поздравлять друг друга с желанным и милым гостем. Елизавета и Андрей целовали руку Судьбы; Ольга в восторге кинулась на шею отца. Все были веселы, радостны, счастливы; все чувствовали такое же восхищение, какое ощущает иногда сердце при встрече старого и любезного ему друга, бывшего в долгой разлуке.

Между тем солнце, едва отделившись от горизонта, опять начало склоняться к нему; так что в продолжение одного часа были и утро, и вечер. Пустынники дождались минуты заката, и тогда Судьба сказал: «Ну, друзья мои! пойдёмте же, поблагодарим Бога, что он ещё сподобил нас увидеть прекрасный день свой.»

V

Солнце, с каждым днём, более и более оставалось на горизонте. Весна, правда, самыми медленными шагами, так сказать, нехотя, но всё-таки приближалась, наконец, и к немилым ей полярным странам. Время было уже позднее: конец мая. Природа должна была действовать быстро — и в самом деле обновление, её было внезапное, почти мгновенное: вдруг снег исчез с вечных тундр, и снежные ручьи хлынули с гор в море. В половине июня показалась трава, и, особенно в окружности домиков, раскинулась прекрасная зелень, и даже расцвели цветы. По словам одного почтенного путешественника², сие место было самое приятное по всему тамошнему берегу. Защищённое от северных ветров высокими, горами, оно пользовалось большей теплотой, против прочих берегов, и вместе с тем было орошаемо чистым. горным ручьём.

Казалось, что с наступлением приятнейшего времени наши пустытники будут ещё счастливее; но, к сожалению, вышло наоборот. Не все из

¹ Этот оптический обман весьма часто случается в полярных морях.

² Сарычева.

них сдержали слово, данное Судьбе в известный вечер, и проклятый дух раздора посетил и их отдалённые хижины.

Шалауров, отъезжая, дня через два после солнечного появления, в своё зимовье, стоявшее при устье Колымы, не захотел подвергать сына новой опасности от мороза: ибо, находясь только первую зиму в полярной стране, Владимир не имел ещё необходимой привычки для перенесения тамошней палящей стужи. Сверх того, тут участвовала и отеческая любовь. Шалауров, сколько был неустрашим и решителен в отношении к себе, столько же боязлив и осторожен в отношении к сыну: слабость природы, замеченная и в самых великих людях! Не известно, охотно или нет остался Владимир; но, говорят, что он не сказал ни слова ни pro, ни contra: ибо сердце его было между двух магнитов, почти одинаково притягивавших. Люди благоразумные скажут: «Всё же ему надобно было предпочесть отца!» Конечно так; сам Владимир думал тоже; однако ж остался. Эх, друзья мои! кто не был молод? Кто Богу не грешен? Кто бабушке не внук?

Между тем надобно признаться однако ж, что именно это обстоятельство, т.е. зимовка Владимира в домике Судьбы, и была причиной раздора, поселившегося между пустынниками. Чуден человек, подумаешь! О чём бы, казалось, ещё ссориться на берегу Ледовитого моря, где и было только два семейства? Какие бы могли тут вкрасься расчёты, по-видимому? Что за сплетение выгод и желаний могло быть вдали от всякого поприща страстей? Нет! и тут нашлась-таки причина к ссоре и даже к злобе продолжительной!

Анна Антоновна хотя и согласилась сговорить Ольгу с Андреем, сыном Судьбы; но не совсем весело смотрела на предстоявшую их свадьбу, для совершения которой надлежало отправиться в Нижне-Колымск. Несчастное чванство напоминало ей беспрестанно, что она не ссыльная; что за мужем своим она приехала добровольно, и что, следовательно, имела полное право выдать свою дочь за лучшего жениха. Самые сильные убеждения мужа, самые горячие слёзы Ольги, могли только поколебать её; но более всего служило к её убеждению то, что другого жениха не было. Правда, назад года с два сватался средне-колымский комиссар; но этот жених был несколько стар, т.е. лет около шестидесяти, и притом походил более на моржа, нежели на человека. Несмотря на сие, честолюбивая Анна Антоновна сильно было начала склоняться на сторону этого чиновного животного; однако ж Ольга решительно сказала

ей, что она лучше бросится в море, нежели согласится за него выйти. Таким образом дело не сладилось, и пресловутому комиссару было сказано, что Ольга ещё молода, и что родители её просят дать им года на два отсрочки, после которой они пришлют решительный ответ. Ольге действительно было тогда не более пятнадцати лет. В течении двух лет отсрочки комиссар, по обыкновению, попал под суд и был отрешён от должности. Падение его с высоты комиссарского престола, как само собою разумеется, дало новое направление мыслям Анны Антоновны — и тогда жребий Андрея решился. Но если бы можно было, в сие время, заглянуть поглубже в сердце этой честолюбивой старухи; то ясно бы было видно, что главным побуждением её при согласии на брак Ольги с сыном Судьбы, была та недоброжелательная мысль, что де и Елизавета не может иметь лучшего жениха. Приезд и пребывание Владимира в семействе Судьбы пробудил её зависть и чванство. Подозрительными, злыми глазами она следила все поступки Елизаветы и Владимира. Поведение их было самое скромное, самое невинное, но каждое их слово, каждый взгляд были на счету Анны Антоновны. Наконец она решила, что Владимир женится на Елизавете, а я — говорила она с глупой злобой — отдам дочь свою за ссыльного! Нет, этому не бывать! Судьба хитёр, да ведь и я, прости Господи, не в луже крещена!

— Эх, Анна Антоновна! — говорил муж её, стараясь смягчить её своею скромностью — как тебе хочется затевать пустяки! Конечно, Андрей сын ссыльного; да ведь и Ольга не графиня!

— Полно врать, сударь! — вскричала с гневом Анна Антоновна. — Если бы Ольга была не моя дочь, так выдавай бы ты её за кого хочешь, а теперь я также имею голос!

— Вижу, что имеешь — с горькой усмешкой отвечал Неволя — но всё я скажу тебе, что из отказа твоего ничего не выйдет хорошего, кроме того, что ты расстроишь меня с моим старым другом...

— Уж хорош друг! Нечего сказать! — прервала со злобою Анна Антоновна. — Вон вчера приходила ко мне юкагирка, да сказывала, что Судьба целую ночь сидел накануне отъезда Шалаурова, да писал письмо к кому-то в Петербург, верно что о прощении, а тебе не сказал об этом ведь до сих пор ни слова; стало быть ему своя рубашка к телу ближе, а ты так, батюшка, готов распнуться за него...

— Может быть юкагирка говорит и неправду.

— Нет, правду, потому что я сама в ту ночь видела у них огонь почти до самого утра.

— Странно! Непонятно! — восклицал легковерный Неволя, ходя большими шагами по комнате. — Я всегда был готов за ним в огонь и воду лезть, а он так...

— Да уж лучше жены ты никогда не найдёшь себе никакого друга! Все эти чужие друзья ни дать, ни взять — водяные пузыри: пошёл дождик — их вскочит множество; прошёл — и начнут один за другим лопаться, а жена так...

— Правда твоя, Анна Антоновна! — говорил убеждённый и растроганный Неволя. — Жена первый друг и в горе, и в радости!

— Послушайся же ты моего совета! Коли они хитрят, почему же и нам разевать рот? Во-первых, я советовала бы тебе сблизиться покороче с Владимиром. Его дело молодое; ему вскружили голову, а если его хорошенько познакомить с Ольгою, так авось либо дело-то примет и другой оборот...

— Матушка! — прервала твёрдым голосом Ольга, бывшая до сего времени в другой комнате, однако ж слышавшая весь означенный разговор — матушка! я вам скажу решительно. не делайте этого. Андрея я люблю более самой себя, и никому, кроме него, не отдам своей руки, скорее умру!

— Я посмотрю, как ты не слушаешь меня. — прервала с гневом Анна Антоновна. — Ты помни, что я мать, и что властна отдать тебя, за кого хочу. Если не за Владимира, так выйдешь за Спиридона Ефремыча, а уж за Андреем тебе не бывать во веки веков!

Ольга не могла отвечать ни слова и, запершись в своей комнате, плакала целый день горькими слезами.

VI

Со времени описанного в предыдущей главе безрассудного и оскорбительного разговора, семейство Судьбы с горестью стало замечать, что друзья его поступают не по-прежнему, странным, неизъяснимым образом. Перемена в их обращении началась с того, что они стали реже и реже посещать своих единственных соседей. Бывало, Ольга почти не выходила от своей подруги, а тут едва раз в неделю завёртывалась, и то на минуту, и при том видимо убегала бедного Андрея, который прежде всех заметил несчастную перемену и больше всех был поражён ею. Куда девалась прежняя его весёлость? Никакая работа не шла на ум ему; никакая охота не веселила его; ни море не могло разогнать его грусть

своими могучими волнами, ни далёкая пустыня не разведала их своими буйными вихрями. Как, бывало, прежде веселил его, например, прилёт гусей! С какою радостью он сматривал на их волнистые вереницы, и пересчитывал, бывало, их вместе с Ольгой! А теперь... он и не взглянет на них, как будто бы они уже перестали быть вестниками прекрасного лета. Так-то всё зависит от расположения нашей души! Природа та же, какова была и прежде, да душа бедного Андрея уже не та! Что ни станет он делать, мысли его не ложатся к делу, и вечно кружатся около одного предмета — непостоянной, чудной, но вечно любезной Ольги. Куда ни задумает он идти, ноги его невольно идут по одной тропинке, ведущей туда, где заключено всё счастье его жизни. И между тем не горько ли было видеть Андрею, что, в то время, как Владимира зазывают, просят, ласкают, ему почти не скажут ласкового слова?

— Тут дело ясное! — говорил Андрей сам с собою. — Ольга полюбила Владимира, а я стал ей немил! Безбожная! Неверная! Можно ли было этого ожидать от неё? Я ли не любил её с самого детства? Я ли не угождал ей? Я ли не был готов для неё на всё, на самую смерть?.. Забыла, изменница, как я спас её, когда буря вдруг застала нас на море, или когда она оборвалась с этой горы, и я, едва держась сам за камни, не побоялся подать ей руку... Всё это прошло! Всё забыто!.. Сам я не понимаю, что со мной делается? Во сне ли всё это я вижу, или наяву? ... Но если это не сон, то что будет в моей жизни?.. У меня было в ней одно только сокровище, и то потерял я!.. Что же мешает мне скорее окончить своё несчастье?.. Как спокойно море! Как тихо и мирно плещут волны!.. Много ли надобно, чтобы избавиться от этой смертельной скорби?.. Одно мгновение!..

Таким образом Андрей, оставленный Ольгой, доходил до отчаяния, а Ольга!.. что делала несчастная, милая Ольга? Не просушала почти глаз, бедная, ни днём, ни ночью! Она боялась страшного материнского проклятия: не смела взглянуть на Андрея, тем более говорить с ним; но мыслью, сердцем была с ним неразлучна, о нём только думала, его только любила... Боже мой! кто может повелеть сердцу другого: не люби, когда мы и сами не властны над ним?.. Но Ольгу особенно терзала та мысль, что Андрей, не зная чувствований её души, сочтёт её ветреной, непостоянною, и что любезная её подруга, которую она так горячо любила всегда, так искренно уважала, нежная, умная Елизавета, может также разлюбить её и усомниться в благородстве её души. Мы видели

из слов Андрея, что опасение Ольги в рассуждении его были справедливы; не могла равным образом оставаться равнодушной и Елизавета: ибо какая девушка, увидев, что любезный её часто начнёт посещать дом её подруги, а подруга эта начнёт в то же время как бы убегать от неё, не подумает о ней и Бог весть чего? Правда, она видела, что взоры Владимира всё так же горели каким-то прекрасным, очаровательным огнём, который так и льётся прямо в сердце; но что делать? кто бывал влюблён, тот верно знает, что иногда и видишь — да не веришь!

Нужно ли говорить после сего, что положение и Владимира было не совсем приятно. В одном доме его ласкали, но ласки были ему в тягость, особенно, когда в разговорах Анны Антоновны начали проскакивать разные недомолвки и намёки, из которых он легко мог догадаться о её намерении. К тому, нельзя было ему не приметить всегда заплаканных глаз Ольги и самой сильной горести, написанной на её внезапно увядшем лице, а с тем вместе нетрудно было заключить, что беспутная мать действовала против её воли... Ах, как несносны бывают подобные покушения, когда сердце уже сделало свой выбор!.. Владимир не раз почти решался высказать напрямки Анне Антоновне свои чувства, и удерживался только почтением к её седым волосам. Словом, в гостях у Анны Антоновны жалкий Владимир сидел точно на иголках. Не ходил бы! — скажут. Нельзя было, потому что едва он высунет нос из домика Судьбы, как неусыпная Анна Антоновна тут и есть: «Пожалуйте, да пожалуйте!» Нечего делать: и не рад, да готов. В домике Судьбы также начинали поглядывать на Владимира не совсем искренно, и как же было смотреть искренно на такого человека, с появлением которого столько произошло перемен?

Варвара Степановна душевно сокрушалась о детях, и хотела было решительно спросить Анну Антоновну: что за бес вдруг вселился в неё; но удерживалась советами мужа, а умный Судьба, зная давно непостоянство своего друга и вздорной характер его жены, всего ожидал от времени и на частые ропоты Варвары Степановны отвечал почти всегда одинаково: «Погоди; время всё исправит. Причина перемены их понятна; приедет Шалауров, и всё пойдёт по-прежнему. Не для женитьбы же сына приехал он в эту пустыню!

В таком сомнительном положении оставался горизонт нашей маленькой республики до самого лета, т.е. до начала июня. Не было явной ссоры; не было и прежнего согласия, а с ним отлетела и весёлость, и ра-

дость. Собирались пустынные, правда, временем и в прежний семейный кружок, но только беседа их более походила на тризну по умершем, нежели на дружескую пирушку. Казалось, о чём бы тужить и сидеть повся нос? Солнце уже не только каждый день выходило, но и не пряталось более за горизонт: круглые сутки смотри на него сколько хочешь! Нет, никто не смотрел, даже никто не говорил о нём: не тем заняты были души!

С наступлением июня начинаются в северных странах походы оленей, которые в сие время из глубины дебрей обыкновенно пускаются величайшими стадами к берегам Ледовитого Океана. Сии ежегодные походы этих полезных животных относятся также к тем великим учреждениям домовитой и мудрой природы, коими она благодетельствует каждой уголок земли, дабы сделать его способным к обитанию человека.

Приход оленей есть самое благодатное время для полярных жителей: ибо они мясом их запасаются тогда на круглой год. Это делали ежегодно наши пустынные общими силами, и ныне положено было идти на речку Безымянную¹, тѣкшую недалеко от их жилища.

Назначенный день, по счастью, был ясный, тёплый, помнится, ещё праздничный; но, впрочем, для наших пустынных был вечный праздник и вечные будни. Дни их были совершенно похожи один на другой: никогда сладостный благовест не оглашал этих унылых пустынь; толпы молельщиков не текли по его величественному зову. Праздник наступал и проходил подобно будням.

Путешествие на речку было совершенно пешком, ибо она была не далее вёрст десяти от жилищ. Оба семейства участвовали в нём, не исключая никого. Даже Ольга и Елизавета охотно шли, чтобы посмотреть на кровавое зрелище. Может быть, в настоящее время были и другие причины, побуждавшие их участвовать в путешествии, а прежде действительно их занимало и самоё зрелище.

«Самоё зрелище? — скажете вы с удивлением, — Девушек, столь милых, столь нежных, могла занимать кровавая картина битья оленей?» Точно так, Милостивые Государи! Но разве испанок, прелестнейших дев целого света, не занимает бойня быков, или — что ещё гораздо хуже — отвратительная смерть какого-нибудь матадора, вздёрнутого на рога? — Всякая страна имеет свои причуды!

¹ На карте её имени не означено.

Речка Безымянная была в сие время в полноводье, и разливалась на большое пространство. Берега её вообще были довольно круты; в одном же месте было особенное возвышение, нависнувшее несколько на воду, тут остановились путешественники. Юкагиры, с ними бывшие, и Андрей приготовили ветки и копья; прочие остались зрителями. Целой день почти прошёл в напрасном ожидании. Юкагиры просмотрели себе все глаза; но не было ни малейшей приметы появления ожидаемых пришельцев, и семейства думали уже отправиться обратно, как вдруг, часу в десятом вечера, маленькое облачко засерело вдали, на краю горизонта.

— Смотрите-ка, ребята, — сказал Судьба юкагирам — что это сереется? Не песок ли из-под ног оленей?

— Да, да, бачка! — отвечали юкагиры — что-то сильно запылило по пескам! Чуть ли это не олени!.. Так, они! Они и есть! — вскрикнули юкагиры по некотором молчании. — Побежимте же, други, поскорее к веткам...

Пыльное облако, с часа на час приближаясь более и более, вместе с тем расширялось по пустыне. Спустя ещё немного времени, можно было уже различать очертание движущейся массы под навесом нёсшегося над ней облака. Потом масса стала делиться, и лёгкие, благородные формы прекраснейшего животного начали обрисовываться на воздухе. Мирное, кроткое, но по наружности гордое и самоуверенное, оно шло тихими шагами, не совращаясь с предположенного пути никакими посторонними силами; ни ветры, ни бури, ни горы, ни реки не в состоянии были изменить прямой линии, начертанной для него природою. Шаг его равномерный и тихий долго не изменялся; но вдруг, на дальнем краю, облако поднялось выше: началось какое-то смятение; задние ряды начали теснить передние, и всё бесчисленное стадо, закинув на спину ветвистые рога, бросилось в скак, которому, кроме полёта птиц, едва ли может что уподобиться в быстроте непостижимой. Глухой гул пошёл по долине от усилившегося топота, и воздух наполнился нестройным криком, всегда извещающим о нападении врага. Несясь, как вихрь пустынный, как дыхание бури, стадо приближалось с каждым мгновением, и наконец передовой бросился в реку, а за ним и все прочие начали скакать с крутого берега, как бы не видя, что новые враги, несравненно лютейшие прежних, поражали их товарищей без пощады. Бедные слепцы, рабы инстинкта, сами попадали на копья; число пускавшихся в реку редело с минуты на минуту, но число бросавшихся в неё не

уменьшалось, и с шумом расплёскивавшаяся река, багровея более и более, наконец потекла совершенною кровью. Многие не перешли через неё, но ещё большее число перешло, и снова пустилось в таинственный путь. Когда же последний олень бросился с берега, то почти в след за ним прибежало к реке чудовище, с окровавленной мордой и раскалёнными глазами. Ни русские, ни юкагиры никогда не видывали подобного, и последние скорее могли почесть его за злого духа; только Судьба мог объяснить, что невиданный зверь был барс¹. Остановившись на крутояре, барс кипел злобою, и, выставив ряды страшных зубов, казалось, готов был соскочить в реку для новой битвы. Юкагиры оробели и вышли на землю; один Андрей, вооружённый винтовкой, проворно зарядил её, и — не дорожа ли жизнью, уже опостылевшею для него, или желая пробудить жалость, а вместе с тем и любовь в сердце, по мнению его, охладевшей к нему Ольги — Андрей смело подъехал к крутояру, где стоял разъярённый зверь. Он направил в него ружьё. Смотревшие с берега притаили дыхание и с величайшим страхом ожидали последствий выстрела. Ольга и Елизавета были почти вне себя: несмотря на запрещение Судьбы вставать на подмытый водою берег, они прибежали на самый край его. Выстрел грянул; зверь издал рёв, раздавшийся по пустыне; страшный прыжок означал, что пуля поразила его; но удар не был ещё решителен, и ужасное чудовище, пристав на задние лапы, готово было броситься с яру на ветку Андрея, бесстрашно заряжавшего между тем своё ружьё. «Воротись, воротись ради Бога!» — вскричала Ольга вместе с Елизаветой, забыв и проклятии матери и гнев отца; забыв всё окружающее, кроме жизни Андрея, которая сливалась с её собственным бытием. Слышал ли Андрей этот знакомый, этот милый, давно не слышанный им голос сердца — не знаю. Ещё раз раздался выстрел; но в сие мгновение зверь летел уже над веткой Андрея с разверстою пастью с высоты яра, и Ольга упала без памяти на землю. С падением её берег обрушился, и обе подруги, скрывшись в кипении полноводной реки, едва показались через несколько секунд. Сохранялась ли в них жизнь, не было заметно; только виднелось платье и судорожное всплёскивание членов. Все, бывшие на берегу, пришли в страшное смятение. Варвара Степановна сделалась почти без чувств; Анна Антоновна едва не бросилась сама в реку, и едва Судьба, сохранявший более всех присутствие духа, мог удержать её; Неволя суетился, как помешанный,

¹ Барсы забегают в Сибирь из-за границ Китая, и нередко пробираются в самые северные страны.

а Владимир, бежавший в беспамятстве по берегу за уносимой волнами Елизаветою, наконец кинулся к ней на помощь, и не умея плавать, сам начал тонуть вместе с нею. Погибель их была почти неизбежна: ибо хотя бывшие на берегу юкагиры и бросились, по крику Судьбы, за ними на своих ветках; но, по необыкновенной вертлявости сих берестяных челноков, весьма трудно, почти невозможно было оказать помощь. Один Андрей, сильный, проворный и отважный до отчаяния, один Андрей, одушевляемый небесной силою пламенной страсти, мог сделать сие чудо. Услышав позади себя крик и смятение, он оставил зверя, добитого им при падении в реку, и мгновенно сообразив видимое, кинулся за утопающими. Почти ему исключительно они обязаны были своим спасением. После же сего должно ли обвинять пламенного юношу, что Ольга, драгоценная Ольга, была предметом его особенных стараний? Долго смерть боролась с жизнью в её сердце; наконец почти не оставалось ни малейшей надежды. «Ах Ольга, милая Ольга! — вопил отчаянный Андрей с неизъяснимой горестью — неужели тебя не будет более? Нет! живи, хотя не для меня, но всё живи!» Ольга, в самом деле, как бы услышала этот сладкий призыв: внезапный румянец заиграл на её бледных щеках, и вскоре после сего она открыла глаза. Несколько времени она смотрела неподвижно на Андрея, не веря своему зрению, и наконец спросила его самым слабым голосом: «Ты ли это, Андрей?»

— Я, я, милая Ольга!

— Так ты жив ещё?

— Жив...

— О, мой милый! О, мой любезный!..

Она крепко обвила руками шею своего прежнего друга и жениха, и уста их слились вместе. Никто, ни сама Анна Антоновна, не смели отнять у Андрея его драгоценную ношу, и разорвать этот чистый, небесный поцелуй. Есть минуты в жизни, когда умолкает всё презренное, всё низкое земли, и владычествует одна святая любовь!

Вскоре были приведены в чувство и Елизавета и Владимир, и первые слова сего последнего были: «Спасена ли она?»

— Кто? кто? — с торопливостью спросила не забывавшая хлопотать около него Анна Антоновна.

— Боже мой, кто! Елизавета!

Безумная старуха со злобою отскочила от Владимира, как обожжённая змея, и, выхватив Ольгу из рук Андрея, сказала с запальчивостью ей

и мужу: «Пойдёмте; нечего здесь более мешкать! Разве дожидаться, чтобы ещё кого-нибудь нечистый бросил в этот омут?»

— Возьми её — сказал Андрей с чувством собственного достоинства; — но знай, что ты не властна отнять у меня того сердца, которое любило меня с детства!

Ольга, вырываясь из объятий Андрея, залилась слезами, и с каким-то глубоким предчувствием произнесла: «Прости, друг, прости навеки!»

Андрей долго смотрел вслед отходящего семейства, и наконец сказал: «Теперь вижу, по крайней мере, что она меня любит. Не получу её — умру, но умру с этою сладостной мыслью!»

Родители Андрея радовались спасению дочери; не без внутреннего удовольствия смотрели и на любовь к ней Владимира, столь сильно обнаруженную, но ещё с большею горестью видели положение Андрея. Варвара Степановна утешала его, сама слёзно рыдая, а Судьба, стараясь сохранить присутствие духа, говорил сыну: «Не надобно упадать душою. Горести в жизни неизбежны. Положись на время: оно если не излечит ран, по крайней мере облегчит страдание».

Несмотря на сие наружное равнодушие, старик начинал, однако ж, изнемогать под тяжестью горести, и, идя в обратный путь, часто, как бы против воли, повторял с тяжёлым вздохом: «Никогда моя ссылка не была мне так тяжела, как теперь. Проклятая злоба людей! — ты всего ядовитее на свете!»

Таким образом оба семейства оставили речку Безымянную. Вслед за ними отправились и юкагиры с годовым запасом оленьего мяса. Пустыня опять замолкла; только единообразный шум реки нарушал её безмолвие: это кипело время посреди вечности, и как бы из глубины её глядел испытующим взором таинственный мамонт, до половины выставившийся из обвалившегося берега.

VII

По приходе домой, Анна Антоновна не хотела уже более медлишь своими распоряжениями в рассуждении бедной Ольги; ибо, в самом деле, каких же было ждать ей ещё доказательств в любви Владимира к Елизавете, после всего ею виденного и слышанного? Невольа должен был тотчас послать письмо с нарочным к бывшему комиссару с объявлением согласия на его лестное предложение. Никто, вероятно, не перенёс бы с большей твёрдостью, как Андрей, обидного и безумного отказа.

— Я ждал этого — говорил он отцу. — Делать нечего! Так угодно Богу!

— И ты не в отчаянии?

— Нет! я предаюсь воле Того, от Которого всё зависит! . . .

— Прекрасно! Обними меня, друг мой! — сказал со слезами на глазах, Судьба. — Теперь я вижу, что мои слова не пропали попусту, и что сердце твоё способно к возвышенным чувствованиям. Так, друг мой, всегда на Него полагайся (Судьба указал рукою на небо): Он знает, куда ведёт нас!

— Но, батюшка! я хочу просить Вас...

— О чём, друг мой?

— Я перенесу потерю Ольги, сколь сия потеря ни тяжка для меня; но я не могу более здесь оставаться...

— Ах, Господи! — воскликнула, Варвара Степановна — что ты это говоришь, мой ангел? Неужели ты хочешь бросить нас с отцом на старости лет? Да я и дня не проживу без тебя...

— Я не брошу Вас, матушка, потому что вы одни только привязываете меня к земле; но пожалейте и меня: могу ли я каждый день видеть Ольгу, и каждый день, или лучше сказать: каждую минуту, каждое мгновение, терзаться тою мыслью, что она уже не моя? Нет! мне необходимо надобно удалиться отсюда, если жизнь моя ещё нужна для вашего счастья!

— Но куда же ты можешь удалиться? — спросил Судьба. — Это наш гроб, и только труба Ангела может отсюда нас вызвать!

— Вот владение Божие! — отвечал с восторженной душою Андрей, показывая на море. — Там нет рубежей для преграды несчастному; там никто не может воспретить мне вкусить сладкую отраду свободы!.. Ах! не останавливайте меня; дайте свободу моей душе: ей душно на земле, на этой земле, где столько горести, столько бед!..

Слёзы побежали из глаз Андрея. Старики плакали вместе с ним; но не могли отказать в его просьбе: ехать с Шалауровым: ибо чувствовали сами, что для него было тяжело оставаться вблизи Ольги.

Андрей с нетерпением ждал, скоро ли придёт судно Шалаурова, и для этого всякий почти день ходил с Владимиром и Елизаветой на Баранов камень.

По объяснении политической системы Анны Антоновны, Владимир наслаждался величайшим блаженством, какое только может быть на земле: полною любовью милого существа и верной надеждой обладать

им; ибо сомнения, возмущавшие его спокойствие, исчезли в душе Елизаветы, и родители её, на сделанное со стороны Владимира предложение, хотя не дали никакого решительного ответа до приезда Шалаурова, но не изъявили и явного нежелания... Ах! это время — время любви сладостной, мечтательной, небесной; ни на минуту не останавливающейся в настоящем, но парящей беспрестанно за надеждами, за упованиями в будущем, столь прекрасном, столь обольстительном — это время есть... но что говорю я: есть?.. Для определения этого времени ещё не придумано слов на языке человеческом! Краткое, мимолётное, мгновенное — оно составляет между тем нашу жизнь: ибо за пределами его человек уже не живёт, но, подобно усталому путешественнику, тащится по необходимости, чтобы где-нибудь сложить свою ношу. Может быть, любовь земная есть мерцание той божественной любви, которая некогда примет и нас на своё лоно; точно также, как и свет здешний есть только мерцание вечного света, истекающего от Отца светов!

Владимир и Елизавета, оба нежные, оба мечтательные, не жили на земле; души их летели туда, куда катились синие волны, куда улетали ветры, и где звёзды странствовали по вечному океану. Любовь и поэзия неразлучны: блаженство любви есть игра мечты. Какими прекрасными красками она разрисовывала будущее для наших юных любовников! Как очаровательно представляла она жизнь — исполненную восторгов, радостей, счастья! Как всё устраивалось впереди по желанию, по требованию их души, жаждавшей блаженства и любви!

Однажды, утопая в счастье и летая за подобными мечтами, любовники вдруг были остановлены голосом Андрея, с дикою радостью вскричавшего: «Корабль! Корабль!» Холод пробежал по их жилам; очарование исчезло: ибо представилась душе разлука — мучительная и грозная.

— Итак — сказала Елизавета, едва удерживая слёзы — мы должны скоро расстаться!..

— С тем, чтобы увидевшись потом, уже не расставаться более.

— Но если мы более уже не увидимся?

— Для чего ж, мой друг, отчаиваться? Отец мой много лет знаком с морем и умеет отвратить опасность...

— Дай Бог, чтобы так было! Но я сама не знаю, отчего сердце так трепещет во мне; кажется, каждый шаг этого корабля приближает мою гибель...

— Это малодушие, слабость...

— Знаю, что слабость, но холод невольно льётся по жилам; сердце замирает...

— Успокойся, милая! Надейся на Бога...

— О, Боже! пошли спокойствие моей душе, и не дай, чтобы эта ужасная боязнь была печальным предчувствием моего сердца!.. Ах, милый Владимир! Если ты не возвратишься — я не переживу этого! Я чувствую, я вижу, что без тебя жить не могу: не будет тебя — и меня не будет на земле!

— О, мой милый Ангел! — воскликнул Владимир, заключив Елизавету в свои объятия.

Бедный и добрый Андрей радовался счастью своей сестры; но не мог быть весёлым зрителем описанной сцены: ибо она вдруг расшевелила смертельные раны его сердца. Горько рыдая, он начал спускаться с горы. Вслед за ним поспешил и Владимир, потому что корабль уже приближался к берегу.

Свидание Шалаурова с сыном было трогательно: ибо, как мы сказали уже выше, он любил его горячо. По той же причине Шалауров несколько не препятствовал намерению Владимира жениться на Елизавете, тем более, что и сам полюбил её и при том душевно уважал её отца.

Разделяя с искренним участием горесть Судьбы и жены его о несчастий Андрея, Шалауров хотел было уговорить Анну Антоновну; но «сладить с дураком, скажите, кто умел?»¹. Анна Антоновна такой подняла крик, что даже, говорят, гуси, плававшие около берега, спорхнули на воздух; тюлени побросались в море, и кит, кинувшись со страха от берега, расшиб на бегу ледяную гору. Последнего не выдаём за истину.

Настал наконец день отъезда. Елизавета, по тайному ли предчувствию сердца, или по обычному действию пламенной страсти, была почти в отчаянии и долго-долго не хотела выпустить Владимира из своих объятий. Владимир также был в величайшей горести, и также не хотел, казалось, оторваться от любящего сердца. Тяжко было и родителям разлучать их, а бедный Андрей!.. Ах! его положение было ещё трогательнее! Одинокий, печальный, он напрасно бродил около хижины своей любезной: никто не сказал ему дружеского прости; никто, даже знаком, не изъявил ему сердечного участия. Жестокосердая Анна Антоновна сама наблюдала в это время за Ольгой... О как бывают злы старые люди к молодым любовникам! Что ни говорите, а эта злость не есть одно действие

¹ Панкратий Сумароков

зависти, но самый мудрёный инстинкт природы!.. Долго ожидал Андрей, не взглянет ли Ольга в окошко; хотя не мелькнёт ли перед ним; ожидания его были напрасны! Наконец, кровь закипела в нём, душа возмутилась — и он решился проститься с Ольгою во что бы то ни стало. Приход его поразил изумлением семейство Неволи. Ольга, сидевшая в горести и в безмолвии, не поверила своим глазам и, вздрогнув, осталась в состоянии смятения; Неволя, любя страстно дочь, совершенно растерялся в сию минуту; даже сама Анна Антоновна, встревоженная неожиданным явлением Андрея, не могла в скорости собраться с духом. Между тем Андрей, не обращая внимания ни на Неволю, ни на его жену, с благородной твёрдостью подошёл к Ольге, и взяв её руку, сказал: «Я пришёл с тобой простишься. Тебя отнимают у меня — и я не могу долее оставаться в этом месте; сердце говорит мне, что я уже не возвращусь сюда, прощай же, друг мой, прощай навсегда!»

Ольга не могла ничего сказать: отчаяние иссушило её слёзы; сердце её замерло; язык не произносил никакого звука. Андрей запечатлел на её губах прощальный поцелуй. Не будучи в силах ни противиться ему, ни разделять его чувствований, полумёртвая Ольга могла только сказать: «Боже! что со мною? — и упала без чувств. Андрей, смятенный, отчаянный, машинально опустил её на лавку, и выбежал из хижины. Корабль уже ожидал его.

Прощаясь с родителями, Андрей не помнил себя; только горячие слёзы матери могли облегчить его тяжкую горесть. Прижавшись к её груди, он зарыдал горько: это рыдание было ужасно; вопль его раздирал душу самых нечувствительных зрителей... Да, любовь между детьми и родителями есть священный узел природы, вечно неразрешимый, вечно крепкий; союз, остающийся неприкосновенным и в то время, когда разрываются все прочие привязанности; светлый фарос во дни бурь и бедствий; тихое прибежище для сердца, жаждущего успокоения! Только на груди матери можем мы найти любовь, никогда не изменяющуюся, чистую, как небо; и животворную, как солнце. Если мать плачет, кто не поверит искренности её слёз? Жалок тот, кто не мог, и горе тому, кто не умел пользоваться её любовью!

На лоне матери душа Андрея успокоилась. Прощание их было безмолвно: сердце, а не язык произнесло ему благословие.

Ударил попутный ветер; корабль поднял паруса и быстро понёсся навстречу льдам. Долго смотрели мать на сына, невеста на жениха.

Скоро милые лики стали мешаться с синевой воздуха, и только лебединые крылья корабля белели, под конец, в отдалённости моря.

VIII

Как быстро течёт время! Всё кажется мне, что я ещё не начинал жить, а могу уже считать минувшие годы десятками! Например, будто теперь вижу ещё пред глазами, а между тем прошло уже много, много лет, как, бывало, сидя на тёплой лежанке, мой покойный дед, восьмидесятилетний слепой старик, рассказывал мне по вечерам похождения своей молодости. Не важный, не богатый был он человек, не более, как бедный штурман в Охотском море; но, обращаясь назад при конце жизни, и незначайший штурман с тем же то сладким, то горьким чувствованием кидает взор на минувшие события, как и величайший из Царей. Впрочем, чья же жизнь может быть более исполнена разных приключений, если не жильца самой непостоянной, и, подлинно сказать, ветренной стихии? Не без хлопот, однако ж было у моего деда и на суше. Для уверения довольно, кажется, сказать только об одном следующем случае. Однажды был он командирован из Охотска в Петербург, и едва только приехал туда, проехав не тысячу, не две, но десять тысяч вёрст, как через неделю должен был снова ехать в Нижне-Колымск, для отправления с Шалауровым. Двумя только днями опоздал он, и — Шалауров был уже в море: эти два дня сохранили ему несколько десятков лет жизни, а иначе он не мог бы уже, сидя на лежанке, как я сказал, повествовать мне о том, что хочу я рассказать в этой главе.

Не один раз, по распоряжению Правительства, был отыскиваем путь к Востоку от устья Колымы, по следам казака Дежнёва; но, по неизъяснимой причине, причудливое море, пропустив сего удальца между своих вечных льдов, потом затворило ход, и отважный мореплаватель не мог более проникнуть в его неизмеримые полости. Шалаурова не остановил опыт прежних лет. Влекомый, без всякого постороннего побуждения, одним своим беспокойным гением, чудный купец решился привести в исполнение то, чего не могло сделать само Правительство при всех своих бесчисленных средствах. Дорого заплатил бедняк за сию благородную отважность; но подобные души, и при всех своих несчастьях, являются в дали времён, как прекрасные светильники, освещающие унылую темноту обыкновенной жизни!

Около недели плавание Шалаурова было удачно; льды хотя и встречались, но не заграждали пути, и осторожный пловец пробирался между ними без особенной опасности. Чем же далее корабль проходил к востоку, тем более требовалось и бдительности, и усилий, ибо льды увеличивались с каждым днём; разливались непроницаемые туманы, и по ночам начинали леденеть мачты и снасти, хотя был ещё июль месяц. Многие из опытных матросов советовали Шалаурову возвратиться назад, справедливо представляя, что зима может внезапно застать и заморозить корабль среди моря; но предприимчивый, можно сказать, даже страстный к своему предприятию чужак не мог примириться с мыслью о неуспехе; душа его не была в силах покориться мучительной необходимости, и, несмотря ни на что, отважный не хотел отказаться от своего намерения. Вскоре, однако ж, опытная предусмотрительность сказанного совета начала оправдываться. Едва прошло после сего дня два, как корабль почти перестал подвигаться вперёд: льды его окружили со всех сторон, и надлежало заботиться уже не о путешествии, но только о сохранении корабля.

В один день, в конце июля, с раннего утра покрылся корабль страшным туманом; не стало видно ни неба, ни моря; самые верхи мачт исчезли в дыму, и на самом близком расстоянии едва могли плователи узнавать друг друга. Ни какими средствами нельзя было угадать, что ожидало впереди несчастный корабль. Один, посреди океана, покрытого мглою без малейшей надежды на чуждую помощь, невольник ветра и волн, он казалось, чувствовал своё ужасное положение: крепкие члены его стонали, переваливаясь через волны, и сей унылый, единообразный стон, посреди глубокой тишины туманного океана, наводил невольный трепет на самые твёрдые сердца... И вдруг страшный шум, подобный ропоту неизмеримых лесов, поразил слух мореплавателей. Бесплезное смятение распространилось на корабле, но никакой меры придумать было невозможно. Ужасный гул приближающихся льдов становился сильнее и сильнее. Самые отважные плователи утрастились, ибо шла смерть, неодолимая никакими человеческими силами. Скоро громады льда обстали корабль отовсюду. В какую сторону ни оборачивала его искусная рука кормчего, опасность везде была одинакова. Льдины, как грозные неприятели, напирала на корабль, и, верно, раздавили бы его, как щепку, своею страшною массою, если бы, по счастью, ветер не подул с другой стороны. Обрадованные мореходцы воспользовались со

всем искусством сею счастливой переменной, и успели пробраться к берегу; но положение их не сделалось от сего безопаснее. Около берегов море было запружено множеством мелкого льда. Новым ветром понесло его в море, а с ним и корабль потащило от берега, сорвав с якорей, и несмотря на все усилия отчаянных пловцов. Действию ветра способствовало и течение моря; корабль стремился как бы по непреложному мановению лютого рока, и ничто не могло удержать его в этом гибельном стремлении. Опять страшные громады начали тесниться около бедной жертвы; ни мольбы, ни усилия, ни люди, ни Провидение, не помогли против чудных врагов. Смятение, вопли отчаяния и крики неустрашимости раздавались на корабле, а неумолимая судьба продолжала своё дело: грозные льды стеснялись более и более, и наконец отовсюду окружили бедных пловцов. За гибельным днём последовала ещё гибельнейшая ночь: мороз скрепил поверхность моря, и льды, как бы заключив между собою адской союз, стали неподвижно вокруг корабля, и, казалось, с презрением смотрели на его тщетные усилия. Никакая человеческая воля не могла подвинуть его ни на одну пядень, и столько же было невозможно, бросив его на жертву, выйти из этой льдистой могилы; ибо льды стояли страшными скалами, в двадцать раз превышавшими самую большую мачту.

Известно, что надежда не вдруг погасает в сердце несчастливца: подобно гаснущему светильнику, она то меркнет, то снова вспыхивает, пока не оставит сердца в смертном мраке отчаяния. Так и наши странники не видели спасения, но жили несколько дней надеждою: авось подует добрый ветер, и ледяные горы раздадутся в сторону — говорили они, утешая друг друга. Но ветер желанный не приходил, и горы стояли по-прежнему, и с каждым днём надежда потухала в самых отважных сердцах! Были, однако ж, часы, когда смертельная тоска, терзавшая их, отлетала: это было время сна, или, лучше сказать, забвения утомлённой природы. В сии волшебные часы обольстительные видения — игра ли благодатного гения, или действие злобного духа — переносили души страдальцев в лучшие страны, где жили их друзья, родные, где скрывалось всё милое сердцу. Владимир видел свою Елизавету, страстно прижимающуюся к его груди; Андрей жил со своею милою Ольгою в летах детства; Шалауров чертил новые планы, новые проекты, лестные для его славобливой души; последний из матросов видел то, что для него мило и драгоценно — или своего отца, или мать, или жену,

или детей, или братьев. Вероломный сон летал, как жестокосердый чародей, над спящим кораблём и усугублял ужас пробуждения. Можно ли описать, с каким смертным трепетом вырывались души из родных, сладостных, хотя и мечтательных объятий, чтобы вдруг вспомнить гибельную существенность?

Наконец, надежда исчезла, и новое лютейшее зло начало угрожать пловцам: голод. Напрасно Шалауров старался уменьшить порции: вместо полной, выдавали сперва половину, потом четверть; но это только продолжило беду на несколько лишних дней, а не отвратило её. Всё, что можно было употребить в пищу — всё было употреблено; самые необходимые вещи, но сколько-нибудь способные для утоления страшной алчбы, были истреблены и пожраны; настал, наконец, гибельной день совершенного голода... О! лучше бы не рождался он из вечности, и легче было бы, если б вечная ночь покрыла бедных мучеников!.. Бледные, как тени, они бродили без самопознания, без размышления; одна мысль, одно желание, как чёрная точка посреди мглы, заключалась в душе: это было желание смертельное, пожирающее и неудовлетворимое — желание облегчить голод. Действие его на души было адское: в них исчезло всё прекрасное, всё небесное, всё, чем возвышается человек над прочими тварями, его. окружающими. Нравственное здание рухнуло под гнётом беды, и, если бы в сию минуту мог быть здесь хладнокровный мыслитель, для него развернулась бы новая цепь неразрешимых вопросов. Страшные переходы чувствований мрачных, как адская ночь, и злобных, как мать, пожирающая детей, обозначались на сверкающих глазах приходивших в иступление и бешенство страдальцев. Ужасны были их взоры, кидаемые друг на друга, и адские слова появлялись невольно на помертвелых устах. Немного было таких, кои сохранили ещё святую силу души: Шалауров, Владимир, Андрей, ещё два-три человека, отличавшиеся прежде хотя и не глубокою, но ревностною верою; прочие решительно превратились в зверей — кровожадных зверей, готовых каждую минуту растерзать друг друга.

— Не доколе нам мучиться! — говорили с неистовством сии несчастные, приступив к Шалаурову. — Хотим мы бросить жребий: кому выпадет, тот и будет нам едою. И ты, и сын твой, и сын Судьбы, все должны идти на жребий, другие не более виноваты, и если сказать правду, так ты всему злу причиною; с тебя бы первого начать надобно!

— И начните с меня! — отвечал с твёрдостью Шалауров. — Точно я один виновник вашей гибели: я первый и пасть должен!

— Никогда не допущу я до того! — воскликнул Владимир, отодвигая рукою бешеную толпу. — Если вы хотите утолить проклятою пищею ваш зверский голод: режьте меня; я готов!

— Нет, ни ты, ни он, но я должен умереть первый! — вскричал Андрей. — Если Провидение спасёт вас от гибели: будь, Владимир, сыном моего отца; утешай его на старости; замени для матери моей потерю бедного её сына!..

— О милые дети! — прервал Шалауров, заливаясь слезами и прижав их обоих к своей груди — я, несчастный, погубил вас: дайте мне умереть за всех... умереть и за тебя, моё Отечество, которое я так любил, так безумно любил!..

— Никогда, никогда не будет этого! — воскликнули в один голос Владимир и Андрей. — Или мы все трое погибнем, или вы будете жить!..

— Подумайте, братцы — сказал нам знакомый матрос своим товарищам — что вы хотите делать: продать душу дьяволу! По мне лучше погибнуть христианином, нежели жить бусурманом! Хоть бы и удалось ещё спастись вам: то всё же много ли приведётся пожить на здешнем свете, а с того-то, братцы, поворота назад уж нет: куда угодил, там и будешь сидеть во веки веков! Подумайте; не губите душ своих!

— Так что же нам делать?

— Когда Бог судил нам умереть — умрём христианами, как подобает Русскому человеку!

— Обними меня, умный и добрый Степан! — воскликнул Шалауров. — Теперь только я узнаю тебя...

— Да, помилуйте! это всякий русский, если не забыл Бога, также скажет: кому захочется мучиться вечно в тартаре?

— Слушайте его, друзья мои! — сказал Шалауров, обращаясь к матросам. — Мне не жаль себя: смерть наша неизбежна, и ускорив её, вы сделаете мне ещё добро, но я скажу вам истинно: жаль вашей вечной пагубы!

Между тем минутное исступление разъярённой толпы прошло; слабость смертная заступила её место, и, несчастные, погружаясь в забвение, падали на корабельное деко друг за другом. Видел Шалауров и смерть сына, и смерть Андрея, видел и — не плакал: сердце его окаменело! Корабль был уже не обитель живых, но огромная могила, печальное кладбище, на котором блуждал владелец его, как привидение. Наконец, пробил и его час. Чувствуя приближение смерти, он опёрся на плечо единственного своего товарища, верного Степана, и сказал постепенно

ослабевающим голосом: «Бог видит, что я гнался не за корыстью; желал, может быть, безумно, но желал блага моему Отечеству... Прости мне, Создатель, что я не умел соразмерить моих средств... отпусти мне этих многих, погибших от меня... прости мне смерть этих бедных юношей, увядших под моею рукою в самом цвете лет... и да будет страдание не тела, но души, смертельное страдание души моей, заменю вечных мучений!.. Прости, о свет!.. О, отечество!.. О, Боже!..

Обессилев, он повалился на помост корабля, и добрый Степан, закрыв дрожащею рукою глаза этого необыкновенного человека, и сам приготовился к смерти.

IX

Много ли времени: месяц? А для человека, существующего под влиянием бесчисленных бед, иногда один месяц... один час бывает веком!

С величайшей высоты счастья и блаженства падают; лишаются всего милого, всего любезного сердцу; прощаются с самыми верными надеждами; из богачей делаются нищими, из царей рабами — и на всё это нужно иногда бывает не более... как час! Я не хочу говорить уже о смерти: ибо одного мгновения достаточно, чтобы разорвать эту чудную цепь многих печалей и редких радостей, которую мы называем жизнью.

Мы видели в предыдущей главе, сколь много совершилось, по отъезде от Баранова камня, с несчастным Шалауровым и его спутниками — и это совершилось почти не более, как в течение месяца. Со знакомыми его и нашими пустынными семействами также было не без перемен, в продолжение сего времени.

Начинается с того, что Анна Антоновна, «к великому стыду и неопи- санной досаде»¹, получила письмо из Средне-Колымска, что вожде- ленный её зять, Спиридон Ефремыч, по отрешении от должности, начал придерживаться чарочки, и, с позволения сказать, уже и лыком не вяжет — как было выражено в письме. Потом, с другим приезжим, Судьба получил куверт из Петербурга. Анна Антоновна, увидев его в руках ездока, по ошибке заехавшего в хижину Неволы, сделалась одержима духом величайшего любопытства, вертела куверт на все стороны, даже готова была, в припадке нетерпения, сорвать печать и уже заносила руку, так что приезжий едва успел остановить обезумевшую старуху; тогда, со

¹ Панкратий Сумароков.

злобою и гневом, бросив куверт на стол, она излила ярость свою на мужа (что с бедными мужьями бывает нередко; без вины виноваты!)]: «Вот видишь ли — кричала Анна Антоновна, колотя кулаком по столу — каков дружок-то твой? Давно тебе говорила, безумному: не верь этому — прости, Господи! — чорту. Где ты! Жена, ведь всё вздор мелет; только Судьба умён да хорош! Вот тебе и Судьба! Вот тебе и старый друг лучше новых двух! Знать, себя-то выгородил, мошенник, а ты и купайся вечно в беде, сиди у моря да жди погоды!.. Однако не докудова мне терпеть: полно! Оставайся здесь, отец, когда не умеешь стараться о себе, а я ведь не ссыльная; не вечно же мне скитаться в этом дьявольском пустополе. Живи в нём кто хочет, а меня никто удержать не может; возьму дочь, да дойду сама до Государыни; мне бояться нечего; бойся тот, у кого нечиста совесть, а у меня, слава Богу, она чиста, как стекло... Уж если же я доберусь до Петербурга, то опишу же твоего дружка; уж я же его выведу на свежую воду; уж я же его...

— Поздравляю тебя, друг мой! — сказал вошедший в домик Неволи Судьба. — Ты свободен; тебе возвращены и чины, и имение.

— Что, что такое, батюшка? — проворчала разъярённая старуха, не могши ещё прийти в себя. — Знать, смеяться пришёл над нами!

— Стыдно тебе, Анна Антоновна, ещё не знать меня, отвечал с важностью Судьба. — Я пришёл не смеяться над вами, а обрадовать вас: вот письмо; читайте!

— Друг мой, верный и истинный друг! — воскликнул Неволя, по прочтении письма залившись слезами, и бросившись обнимать колена Судьбы. — Простишь ли ты нас? Мы, безумные, оскорбили тебя, погубили твоего сына, а ты спасаешь нас от заточения, от гибели! ...

— Батюшка! Отец родной! — вопила Анна Антоновна, всхлипывая от слёз. — Простишь ли ты меня, окаянную? Я всему злу причиною...

— Перестаньте, друзья мои! — говорил Судьба, поднимая Неволю. — Забудем прошедшее: оно уже кануло в вечность; только уверьтесь в моей любви к вам; не считайте меня способным думать об одном себе! Вы видите, что не столько о себе, как о вас я заботился...

— Видим, всё видим теперь — говорили в один голос и Неволя и жена его — и твою доброту, и своё безумие!..

— Перестанем, перестанем вспоминать об этом, и будем лучше наслаждаться настоящим... Вот, друг мой, наконец бедствия наши окончились... Ах! если бы был здесь мой Андрей, как бы он рад был! И его

Государыня не забыла по своему милосердию: он определён в гвардию.

..

— Слава Богу! Слава Богу! — говорила Анна Антоновна, горя, как за рево, от стыда и раскаяния.

— Пойдёмте же ко мне — сказал Судьба — и все вкуче разделим нашу общую радость, как, бывало, прежде разделяли общее горе... Надобно послать между тем за Елизаветой и Оленькой; они, кажется, на горе...

Но в сию минуту Ольга растворила двери, покрытая смертельной бледностью, и в страшном изнеможении упав на пол, могла только произнести: «Помогите, помогите ей!»

— Что, что такое сделалось? — вскричали в один голос все находившиеся в хижине, будучи поражены изумлением и ужасом.

— Она умирает...

— Кто?

— Елизавета...

— Где она?

— Мы шли к речке...

Судьба, не спрашивая более, опрометью кинулся из хижины; Неволя побежал за ним следом; Анна Антоновна осталась с Ольгой.

Несмотря на всю свою твёрдость, Судьба едва сам не лишился чувств, найдя дочь свою почти умершую... единственную дочь, которую и по сходству характеров, и по возвышенности ума и по прекрасным качествам сердца, он любил более самого себя; любил, как утешение в печали, как последнюю радость в старости. Но чувство ужаса было ослаблено чувством изумления: подле умирающей Елизаветы сидел старик изнеможённый и покрытый запёкшейся кровью.

— Кто ты, несчастный? — спросил его отчаянным голосом Судьба. — Или ты убийца моей дочери?

— Нет, Григорий Петрович! — отвечал старик. — Боже, сохрани меня от этого! Вы не узнали меня: я матрос Степан, который приезжал к вам с Никитой Андреичем...

— Боже мой! что это всё значит? Где же Никита Андреевич? Где мой сын? От чего один ты очутился здесь?

— Не спрашивайте меня, Григорий Петрович! Нерадостную весть принёс я вам!..

— Говори, говори скорее... или нет, погоди, дай мне собраться с духом... Великий Боже! ещё ли не окончилось моё испытание в сей жизни?..

— Беда, беда, Григорий Петрович! Все погибли...

— И сын мой?

— Все, все!

— Боже! Боже! — воскликнул Судьба, закрыв руками лицо.

— Что станешь делать? — говорил матрос, едва переводя дух от изнеможения, и приметно слабея с каждым словом. — Что станешь делать? Такая планида пришла! Я говорил Никите Андреевичу: не затёрло бы льдами! Так и случилось!.. Сперва кое-как бились; всё надеялись: авось, авось либо Бог вынесет... Ах, русское сердце нескоро унывает, родимый!.. Но глядим, поглядим: спасенья всё нет, как нет! А между тем провиант весь изошёл; наступил голод; что день, то хуже; пришла беда неминуемая! Всех, как варом поварило, кормилец!.. Не поверишь, Григорий Петрович, не хотелось отставать от товарищей: лучше меня, думал я, умерли, люди здоровенные, молодые, могучие, а я что? Да нет!.. Знать Богу угодно было, чтобы я притащился к вам с этой горькой весточкой... Вдруг ударила буря; разломало льды, как гнилую оградину, и корабль, как стрелу помчал к берегу; перекинуло через банку, и носом уткнуло в песок... Тут, откуда ни взялись проклятые чукчи; всё ограбили, всё утащили до последнего гвоздочка, а меня избивши, бросили, окаянные, полумёртвого на берегу... Сам не знаю я, как Господь дал мне силы дотащиться сюда... Но вижу, что я уже не жилец!.. Язык примерзает ко рту... Глаза темнеют... Отслужил я службу Царскую!.. Не хотелось бы умереть без покаяния, на пустоплесье, но делать нечего, когда Бог привёл...

Слушая и ничего не слыша, Судьба стоял в каком-то забытии над телом дочери; казалось, никакая мысль, никакое чувство не пробуждалось в душе его, всё существенное превратилось в нестройный, беспокойный сон, всё видимое слилось в мутный, неопределённый туман, где блуждали воздушные призраки, без очертания, без образов. Почти всегда так бывает сильное действие горести; это милосердие и премудрость природы.

— Григорий Петрович! — сказал подошедший в сие время Неволя — поспешимте домой; возьмите на руки Елизавету Григорьевну, а я потащу как-нибудь этого бедняка....

— Боже мой! Боже мой! — восклицал Судьба, как бы без самочувствования поднимая на руки Елизавету, почти по насильному побуждению Неволи. — Что я делаю? Что со мною делается?..

По принесении домой Елизаветы, мать её хотя была поражена горестью беспредельной, перейдя вдруг от самых сладких надежд, от самых приятных, радостных мечтаний в глубочайшую бездну зол; но, забывая

сама себя, думала только о спасении дочери, и употребляла всё, что только могла и знала, дабы спасти её. Действие любви материнской выражается в удивительных явлениях!

После многих стараний, бедная мать, наконец, успела привести в чувство умирающую дочь свою. Елизавета открыла глаза, но ничего не говорила: заметно было, что она не понимала бывшего пред нею. Наконец она спросила мать самым слабым голосом: «Маминька! это вы?.. Так я видела сон?.. Ах, какой страшной сон!.. Какой-то старик, ужасный старик, как злобный дух, вдруг чем-то самым смертоносным поразил меня... Сердце моё, казалось мне, разорвалось на части... Что-то такое ужасно тяжёлое, как целая скала, упала на меня; грудь так стеснило; я не могла дышать... Так это сон был?.. Слава Богу!.. Да, я забыла ещё... Этот злобный старик говорил с адской улыбкою, будто бы Владимир и братец погибли... — Сии слова больная произнесла шёпотом. — О как мучительно было это слушать!.. Так это сон был?.. А то я, кажется, умерла бы, непременно умерла бы...»

— Успокойся, успокойся, милая! — говорила Варвара Степановна, заглушая свою смертельную горечь.

— Я спокойна теперь, любезная маминька!.. О чём же печалиться? Они, живы и я видела только сон... Ведь это правда, что я видела сон?

— Да, правда...

— Боже мой! — вскричала Елизавета страшным голосом, от которого затрепетали все около неё стоявшие — Боже мой! это он! Я видела опять этого адского старика...

В это время матроса провели в домик Неволи.

— Это только показалось тебе...

— Нет, я помню его ужасный вид. Вы не видали, а он так страшно посмотрел на меня, так злобно прошипел, как змей: они погибли, погибли навсегда!..

— Ради Бога, успокойся: это только мечта расстроенного воображения!..

— Так они не умирали?.. О, как приятно это думать!.. Повторите мне эти сладкие слова: они живы; мой брат, мой милый Владимир ещё живы!.. Что же не говорите вы?.. Повторите мне эти слова! Я прошу, умоляю вас!.. Вы рыдаете?.. Стало быть, это не сон, что я видела!.. Точно это не сон! Теперь я вспомнила... Я была с Ольгою... Где она?.. Мы шли; вдруг увидели старика тощего, окровавленного... Мы к нему... Кто ты? Откуда?.. И он сказал... О! это был не сон! Нет, не сон! ... Но где же Ольга? Отчего

она не придёт уверить меня?.. Ах, уверьте, уверьте меня, что это был сон!.. Как опять давит меня эта ужасная скала! Сбросьте её с меня; сбросьте, хотя бы на минуту, сбросьте... О жестокие! для чего вы не хотите исполнить, моей мольбы?.. О если бы здесь был мой Владимир, мой брат!.. Но вот они!.. Идите скорее, спасите, освободите меня!.. Великий Боже! что я вижу?.. Они чудно изменяются; тела их становятся воздушными, светлыми, как сияние солнца... Они отделяются от земли!.. И как быстро несутся по воздушному пространству!.. Куда, куда улетаеете вы, мои милые, мои драгоценные?.. Они манят меня к себе!.. Дайте мне сбросить эту скалу!.. Ещё, ещё одно мгновение подождите!.. Слава Создателю, я свободна!.. Я лечу к вам!..

С сими словами прекрасная душа Елизаветы действительно улетела из дольного мира; над оставшимся прахом стояли в отчаянии бедные её родители и горько, горько плакали. Изобразить в настоящей мере их скорбь и страдание нельзя: подобное мучение может быть только понятно для сердца родительского, но не изобразимо. Близкое к отчаянию, к ропоту, оно есть истинное испытание сердца, от которого отнимается внезапно самое драгоценное, самое кровное, дабы отучить его от земли, и устремить к Небу.

В слезах и горести зарыли бедные старики своё последнее сокровище в землю на западной стороне Баранова камня. Состояние самой природы соответствовало расположению их душ: лето уже пролетело, и холодный ветер уныло напевал как бы погребальную песнь. Расстроенным, разогорчённым страдальцам казалось, что они слышали в высоте воздушной прощальные стоны детей, отлетающих от земли.

Неволя и жена его также участвовали в печальном обряде погребения, и когда возвратились все домой, то Судьба сказал со вздохом: «Вот, друзья мои, что сделала наша ссора! Теперь мы получили обратно все почести, все имения, и между тем были ли когда-нибудь так несчастливы, как теперь? Всё суета сует на земле, кроме любви и мира.

Ольга не в силах была участвовать в погребении, но потом почти всё время проводила на могиле своей единственной подруги. Весёлость её исчезла; постоянная печаль сделалась её стихией. Андрей и Елизавета звали её в другой, лучший мир, где обитала та радость, которую сердце её тщетно искало на земле. Напрасно старались родители утешать её, ласкать будущим счастьем, изображать лестную перспективу богатой

жизни: душа Ольги была занята одним предметом — потерей незабвенных; желала одного счастья — скорейшего соединения с ними. Могила Елизаветы была единственным местом, куда она ходила из своей хижины. Большую часть времени проводила она в глубочайшей думе, сидя при подошве деревянного креста, поставленного над могилою её подруги. Ни состояние здоровья, ни время года, ни увещания родных, ничто не могло отвратить её от сего места: там таинственно беседовало сердце с неземными друзьями, прилетавшими на его призыв.

Спустя двадцать лет путешественники видели два креста около Баранова камня, уже склонившиеся к земле и полусгнившие. Домики были сломаны, кем неизвестно. Ничто не напоминало, что тут жили некогда души светлые, бились сердца чувствительные; что и тут лились мысли, горели чувствования, блистала радость, и тяготела печаль. Но что же? Не такова ли история и целого мира?

Конец

Санкт-Петербург

1834

Издание Книгопродавца А.Ф. Фаридова

OCR Андрей Дуглас, 2023